

ЗАВИСИМОСТЬ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ПАРАДИГМЫ ОТ УСЛОВИЯ КОНВЕНЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ БАЗОВОГО ФЕНОМЕНА

*Работа представлена кафедрой теории и истории культуры
Новгородского государственного университета имени Я. Мудрого.
Научный руководитель – доктор политологических наук, профессор К. Ф. Завершинский*

Проанализировав парадигмы культурологии, в рамках которых концептуализируется феномен «массовая культура», автор приходит к выводу о необходимости конвенциональной концептуализации базового феномена. Данный подход позволит увеличить темпоральность научной парадигмы, что отразится на последовательном синтагматическом развитии частной науки.

The author of the article analyses the culturology paradigms in which the phenomenon of «mass culture» is conceptualized and comes to the conclusion about the necessity of conventional conceptualization of the basic phenomenon. This approach enables to increase the scientific paradigm's temporality, which would affect the successive syntagmatic development of the particular science.

В истории науки наблюдаются постоянные явления, а именно чередование периодов, когда наука развивается достаточно спокойно, и периодов научного кризиса, характеризуемого одновременным появлением различных, порой противоречивых научных парадигм. В XX в. выдвигалось множество гипотез, стремящихся объяснить данное явление. Достаточно только вспомнить несколько имен, чтобы проблема получила свою объективацию, например: Т. Кун, К. Р. Поппер, И. Локатос и др.

В теориях этих авторов сокрыто множество научных мыслей, заслуживающих должного отношения, но при этом ни одна из них не прекратила спор по поводу исходной проблемы. Поэтому, на мой взгляд, целесообразно продолжить исследование проблемы и выявить несомненные закономерности, а после их обнаружения предложить свое решение данного вопроса. Основным методом, позволяющим обнаружить закономерности и одновременно снимающим противоречия, вызванные наиболее широ-

кими, а потому наиболее бедными понятиями, должен стать метод сравнения исходя из общего предмета исследования. Следовательно, для обнаружения всеобщих закономерностей мы будем исходить из единого объекта рассмотрения, а именно феномена «массовая культура». Проблема концептуализации феномена «массовая культура» в XX в. породила большое количество парадигм. Причем сторонники каждой из них, в силу своей научной увлеченности и аксиологических приоритетов, не смогли до конца избавиться от догматизма своих локальных определений.

Как и в любом исследовании, вначале необходимо определить основные понятия, используемые в статье. Это позволит если и не снять напряженность, то, во всяком случае, через обращение к рациональному началу изменить предвзятую интенцию на новую или противоположную гипотезу.

Во-первых, под понятием *парадигма* мы будем понимать следующее: «Совокупность научных достижений, признаваемых всем научным сообществом в тот или иной период времени и служащих основой и образцом научных исследований»¹.

Во-вторых, под *темпоральностью* мы понимаем относительный временной интервал, в рамках которого сознание субъекта фиксирует наличие и значение того или иного феномена.

В-третьих, под *конвенциональностью* будем понимать безоговорочное соглашение между всеми членами социума о характере и смысле того или иного понятия.

В-четвертых, под *концептуализацией* понимаем выработку понятия, которое в человеческом уме объединяет сходные признаки для одного и того же явления.

Часто научная проблема, а именно вопрос объективации феномена «массовая культура» в контексте культурологии, обнаруживает поливалентность трактовок. При этом наблюдается нарастание напряженности не только в самой науке, но, что не менее важно, и в обыденной практике его употребления. Причин такого положения

несколько, но самой важной является не определенность самого понятия. Как указывает Ф. Г. Юнгер, «термин – это не только бог границ, но и охраняемые ими границы и пределы»². Таким образом, различное смысловое наполнение понятия формирует и различное поле представлений как о самом феномене, так и о процессах, сопряженных с ними. Кроме того, само понятие «массовая культура» является составным, образованным из двух других понятий. Производные термины, такие как «масса» и «культура», также не могут удовлетворять требованиям единства коннотации во всей области человеческой коммуникации. Становится очевидным, что поливалентность коннотаций обнаруживают не просто сложность определения, но и вторичную сложность. При таких условиях в рамках распространенной в современности мировоззренческой ориентации на субъективные ценности практически невозможно образовать конвенциональные определения. Как результат этого, та палитра концептуализаций феномена, которая существует в современной науке.

Вся проблематика не ограничивается только неопределенностью понятия. Через понятие она только начинается. Сформулировав любое понятие и закрепив за ним область развития коммуникации, через раскрытие его в определении, мы тем самым вступаем на «дорогу» с односторонним движением. Двигаясь в границах зыбких оснований, мы порождаем и зыбкие гипотезы. Образование вторичных понятий и закономерностей на базе неопределенных исходных понятий приводит к созданию сомнительных теорий, а потому и наиболее стабильных к воздействию критики.

Развивая научную коммуникацию, научный дискурс приобретает соответствующую специфику, которая выражается в понятийном аппарате. Учитывая особенности существования любой коммуникации, мы можем обнаружить субстанциальное единство всех парадигмальных дискурсов, а именно как этос в культуре определяет це-

лостность и каркас каждой культуры, так и в коммуникации есть свой этос, который может быть определен под понятием *код*. «Код – это структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщениями»³. Таким образом, код является основой коммуникации, учитывая то, что любая коммуникация есть не что иное, как передача информации. Сообщение же является не чем иным, как определенным знанием, которое есть закрепление смысла за определенным феноменом, тем самым мы приближаемся к субъективному свойству человека, наличию у него сознания. «Все, что бы мы ни испытывали, ни думали, одинаково есть факт нашего сознания...»⁴. Диалектическое единство сознания и коммуникации является несомненным. Однако в этом единстве есть и источник противоречия. С одной стороны, сознание, являясь имманентным качеством человека, оказывается связанным с трансцендентным субъекту свойством – межличностным взаимодействием или коммуникацией. С другой стороны, можно обнаружить и другое диалектическое взаимодействие. «...Сознание интерпретирует событие, уже произошедшее в мозгу, как решение, чувства или понимания. Коммуникация актуализируется, благодаря этому твердо фиксирует в сознании то, что там уже было решено. Это своеобразная ретроспективность в структурных сопряжениях, в свою очередь, остается незамеченной. Она прочитывается как одновременность»⁵. Вместе с тем существует и обратное взаимодействие, о чем не в последнюю очередь свидетельствует сама история науки. Эволюция и смена парадигм приводит не только к изменению сознания, но и к изменению коммуникации, а значит, и его кода. «Научные революции... начинаются с возрастания сознания, опять-таки часто ограниченного узким подразделением научного сообщества, что существующая парадигма перестала адек-

ватно функционировать при исследовании того аспекта природы, к которому сама эта парадигма раньше проложила путь»⁶. За сменой парадигм, на первый взгляд, стоит только эволюция сознания, однако, как мы указывали выше, коммуникация сопряжена с сознанием, а учитывая то, что каждой коммуникации соответствует своя парадигма и их единство обнаруживается в индивидуальности коммуникационного кода, то становится очевидным, что эволюция в сознании не может происходить, если не меняется сам код. «Следующие друг за другом парадигмы по-разному характеризуют элементы универсума и поведения этих элементов»⁷.

Переход от кода к коду нельзя рассматривать как становление нового без учета прошлого опыта. Предшествующая коммуникация встраивается в новую с необходимой потерей накопленных заблуждений в пользу новых. «Единожды введенное кодирование – как момент аутопойезиса языковой коммуникации – уже не может быть отброшенным. Его воздействие усиливается вместе с возрастанием языковой коммуникации, т. е. вместе с обществом. Чем больше (благодаря развитию семантики сложности) предуготовлено возможностей выражения и понимания, тем больше порождено и сопровождающих побуждений к их отклонению»⁸. Процесс научной коммуникации порождает новые гипотезы в рамках своей кодификации. Существует необходимость межкодового взаимодействия. Это порождено, с одной стороны, потребностью к междисциплинарной коммуникации, а с другой стороны, к обращению к смежному коду обыденного сознания, а значит, и общения.

При усложнении коммуникативных практик происходит увеличение коннотативных значений одного и того же денотата. Если единому денотативному феномену принадлежит множество коннотаций, то происходит значительное увеличение коммуникативного поля и, как следствие, менее определенным и ограниченным стано-

вится понятие. Как указывал У. Эко, «нужно сковать себя ограничениями – тогда можно свободно выдумывать»⁹. В данном случае ограничения раскрывают возможности построения упорядоченной структуры представлений о том или ином феномене. В случае феномена «массовая культура», с проблемой определения его составляющих производных, можно утверждать практически абстрактное определение коннотации. Как известно, «чем абстрактнее сформулирован код, тем слабее может быть образовано предпочтение»¹⁰. Тогда становится понятно, почему в XX в. сложилось большое количество парадигм, которые стремились не только к концептуализации феномена «массовая культура», но и через признание достоверности и научной обоснованности предложенного феномена к статусу общекультурологической парадигмы. Многие исследователи феномена «массовая культура», разрабатывая историю культурологических учений, отмечали, что среди большого разнообразия теорий наибольшей проработанностью и распространенностью пользуются шесть основных. Так, профессор Е. Н. Шапинская выделяет следующие:

- теория массовой культуры как культуры массового общества;
- исследования Франкфуртской школы;
- структурализм;
- марксистские и неомарксистские теории;
- теория феминизма;
- постмодернизм¹¹.

Указанный список парадигм не является завершенным, это только наиболее употребительные. Все они возникли в XX в. Но ни одна из них не стала по-настоящему всеобщей парадигмой науки. Учитывая то, что каждая из них все-таки имела определенное влияние на науку, следует выделить, что было среди них общего, так сказать, субстанционального. При тщательном анализе каждой обнаруживаются следующие черты сходства:

1. Сформировавшись в рамках определенных аксиологических установок науки,

они вырабатывали свои специфические правила, в рамках которых обнаруживалась определенная методология исследования объекта. Наличие таковой возводило теорию на уровень парадигмального притязания. Так, например, сторонники парадигмы массовой культуры, как культуры массового общества, исходили из признания двух базовых феноменов, а именно индивид и масса. Вот как характеризует эти два начала С. Московичи: «Если бы вы попросили меня назвать наиболее значительные изобретения нашего времени, я бы, не колеблясь, ответил: индивид»¹². С другой стороны, он описывает и вторую форму бытия субъекта в социуме – массу. Причем человек массы становится кем-то другим, его характеризуют другие, противоположные характеристики. «...С того момента, как человек примыкает к группе, поглощается массой, он становится способным на крайние формы насилия или паники, энтузиазма или жестокости»¹³. Сравнивая противоположные атрибуты бытия субъекта, Московичи приходит к более точным с научной точки зрения характеристикам массового человека, а именно: «уходя от логического мышления, даже его избегание, и предпочтение алогического мышления; раскол рационального и иррационального в человеке, его внутренней и внешней жизни»¹⁴. Опираясь на психологию и психоанализ, сторонники данной парадигмы приходили к следующему определению феномена: «Массовая культура есть не что иное, как культура массового человека...»¹⁵.

2. После научной обработки, сформировав соответствующий понятийный аппарат, они производили перевод процесса трансляции редуцированной комплексности с уровня эксплицитной коммуникации на уровень комплементарного ожидания, что разгружало тяжеловесный, требующий больших временных затрат и огрублений, посредством языковой экспликации коммуникативный процесс. Уже на этой стадии обнаруживается противоречие между спе-

циализированным коммуникативным кодом и смежным кодом. Эти противоречия порождались не просто разными установками кодирования, а особенностью объекта описания и, соответственно, разными ожиданиями между научным мировоззрением и обыденным сознанием. Например, можно привести такой факт. Сторонники Франкфуртской парадигмы проводили следующую редукцию к смежному коду, через которую стремились объяснить широкой общественности «истинное» лицо «массовой культуры». «Механизмы, которыми общество защищается от этой угрозы, может предоставить “автоматизация” “Сверх-Я”. Защита состоит в усилении способов контроля не столько над влечениями, а, главным образом, над сознанием, ибо, оставленное без внимания, оно может разглядеть во все более полном удовлетворении потребностей – репрессию»¹⁶. Но, как свидетельствует история, именно в середине XX в. усиливается тенденция к репрессивным политическим решениям. Развитие культуры все более погружается в область «массовой культуры» и ее ценностей, которые приводят к становлению субъективных ценностей.

3. В любой коммуникации, а тем более научной, обнаруживается двухуровневая антиципация, т. е. двухступенчатость образования символов. Начало антиципации закладывается на уровне базовых понятий, которые формируют не только основу коммуникативных тематик, но и возможные вторичные символические антиципации. Свидетельством этому может служить антиципация в рамках Франкфуртской школы. Как известно, они были последователями марксистской и психоаналитической теорий. Поэтому многие понятия они переняли от классиков. Но, не оставаясь в границах классического теоретического понятийного аппарата, они проводят вторичное создание символов. «Термины Фрейда, поскольку они не обеспечивают адекватного различия между биологическими инстинктами и их социо-историчес-

кими превращениями, необходимо дополнить соотносительными терминами, обозначающими социоисторические компоненты. Поэтому мы вводим два таких термина:

а) Прибавочная (дополнительная) репрессия (подавление) [surplus-repression]: ограничения, налагаемые социальной властью. Следует отличать от (основной) репрессии как “модификации” инстинктов, необходимой для закрепления существования человечества в цивилизованной форме.

б) Принцип производительности: господствующая историческая форма принципа реальности»¹⁷.

4. Любой код не только образует свою специфику, но и формирует соответствующий коммуникативный дискурс. Характер дискурса напрямую зависит от методов решения проблемных задач, которые также взаимосвязаны. Так, марксистская парадигма использует основы исторического материализма, разрабатывает свою концептуализацию феномена «массовая культура» через диалектическое обоснование необходимости капиталистического общества с его законами потребления и внутренней антиципацией между классами угнетенных и работодателей. «Идеологическое и социальное содержание “массовой культуры”, ее стремление к сохранению системы идей и ценностей буржуазной культуры, утрата ею способности к критике существующего совершенно очевидны»¹⁸.

5. Для любой структуры, а тем более такой, как научная парадигма, свойственно формирование сцепленного действия. Это значит, раскрывая одни аттрактивные точки в заданном направлении, мы обнаруживаем другие, следующие за вновь открытыми. Таким образом, научный дискурс получает возможность темпорального становления до тех пор, пока создаваемая система в рамках базовых понятий остается устойчивой к фальсификации. Под фальсификацией в данном случае подразумевается научный опыт опровержения. Опровержения становятся возможными

тогда, когда площадь основания, определяемая базовыми понятиями, способна адекватно отвечать на опыт встреч с аксиологическими системами других парадигм, теорий и гипотез. Наглядное свидетельство данного свойства можно проиллюстрировать на примере развития дискурса в марксистской парадигме, когда с развитием потребительского общества пробуждается в сознании субъекта чувство индивидуальности, сопряженное с потребностью к принадлежности, которая обеспечивает соответствующим уровнем социализации и инициализации как субъекта данного страта, происходит становление третьей формы культуры, в отличие от двух изначальных – элитарной и массовой, а именно поп-культура. «Массовая культура ориентируется на низкий общий знаменатель художественного вкуса аудитории; «поп-культура», напротив, учитывает разнообразие этих вкусов, порой ориентируется на социальные слои более высокого культурного и образовательного уровня (а затем проникает и в другие слои), регулируя в нужном монополистическом буржуазном духе сознание тех слоев населения капиталистических стран, которые перестали быть объектами воздействия со стороны массовой культуры»¹⁹.

6. Любая парадигма обретает статус парадигмы тогда и только тогда, когда она выходит за рамки только научного дискурса и становится всеобщим правилом для интерпретации фактов через коммуникацию, осуществляемую в обыденной практике. Таким образом, парадигма с специализированным коммуникативным кодом должна вступить в сопряжение со смежным кодом. Это происходит тогда, когда в рамках существующего специализированного кода накапливаются достижения, обеспечивающие определенное развитие на обозримую перспективу. Возможность широкого применения данных достижений позволяет упорядочить факты действительности, и создается возможность практического применения с большой вероятностью достижения того или иного результата. Все пере-

численные парадигмы «массовой культуры» с разным успехом проникали в смежную коммуникацию.

7. Как и любая коммуникация, парадигмальная коммуникация выстраивается на принципах бинарного схематизма. «Бинарные структуры предопределяют существенные темпоральные преимущества: они предоставляют самую быструю возможность для выстраивания сложности и одновременно – простейшую возможность для упорядочивания результатов запоминания. Поскольку язык уже является бинарно-кодированным, бинарные структуры способны быстро актуализироваться»²⁰. Все вышеперечисленные парадигмы концептуализирующие феномен «массовая культура», уже на стадии базовых понятий обнаруживали бинарный принцип построения. Так, в парадигме массовой культуры как культуры массового общества такой парой выступают масса и индивид; в рамках франкфуртской парадигмы это ручной и механизированный труд, у последователей структурализма – хаос и порядок; у марксистов – угнетенные и угнетатели; у сторонников феминистической парадигмы – мужчина и женщина, а в рамках постмодернизма – текст и образ.

8. Существенным фактором единства парадигмального развития указанных теорий и вместе с тем свидетельством определенного этапа развития становится формирование правил уклонения, т. е. универсальной релевантности теории. При обнаружении противоречий между теорией и фактами действительности любая парадигма формирует так называемые *ad hoc* теории, посредством которых формируется объяснение феномена, напрямую не объясняемое с помощью самой парадигмы. Это так называемые вспомогательные теории для частного случая. Особенностью их является то, что в ее теории *ad hoc* наблюдается единство с парадигмой в базовых посылах, но различие в пути становления. Тем самым создается возможность снизить фальсифицирующий эффект на парадигму.

9. Все перечисленные парадигмы, так или иначе, не избежали проблемы консистенции. Любой коммуникативный код может усиливаться и существовать лишь в том случае, если существуют гарантии, что он не будет какое-то время сам себя дискредитировать. Методов решения этой проблемы может быть несколько: от идеологических до социально-аксиологических обоснований. Пожалуй, самым ярким подтверждением может служить проблема консистенции в рамках марксистской парадигмы. В эпоху господства идеологического гнета в рамках стран социалистического лагеря данная парадигма являлась всеобщей и непререкаемой. Но стоило измениться политической ситуации, провозглашения свободы слова и печати, как в научных сообществах начался бум пересмотра существующих теорий и парадигм. В эпоху этого свободомыслия многие исследователи бросились в крайности через признание достижений только западной мысли. При этом многие не учитывали тот факт, что на самом Западе эти теории уже не пользовались таким безоговорочным авторитетом, а многие из теорий стали считаться фальсифицированными и преодоленными. Крушение великой «империи» СССР еще более дискредитировало не только в смежном, но и в специализированном коммуникационном коде саму марксистскую парадигму. При этом многие не потрудились проанализировать с критических позиций как явление СССР, так и теоретические положения, освобожденные от идеологического гнета.

10. Одной из значимых особенностей становления парадигмы является поступательное облегчение исчисления. Переход от более абстрактных к конкретным объектам приводит к упорядочиванию объяснений и к облегчению возможностей доказательства. Наиболее бедные, а потому наиболее широкие понятия и феномены труднее поддаются описанию. Напротив, ограничение понятия, т. е. его объективация, определяет возможность значительного его атрибутирования. Тем более что сам механизм и

методы описания формируются на уровне базовых понятий. В рамках структурализма мы наблюдаем в качестве базовых понятий такие предельно абстрактные и неопределенные, бинарно оппозиционные понятия, как хаос и порядок. Как указал У. Эко, «неоднозначное сообщение располагает меня к перебиранию возможностей его интерпретации. Каждое означающее обростает новыми смыслами, более или менее точными, уже благодаря не основному коду, который нарушается, но организующему контексту идеолекту, а также благодаря другим означающим, которые, пересекаясь, оказывают друг другу ту поддержку, которой им не предоставляет основной код»²¹.

11. Свидетельством целостности парадигмы является становление нормативной формы перфекции. Это качество обнаруживается в предустановленном понимании, которое может восприниматься как форма реальности в границах определенной коммуникации, как форма реальности, которая может поступательно восходить, хотя бы в форме идей, до идеальных сущностей или совершенных форм. Другим свидетельством парадигмальной нормативности кода является его употребление как в учебной литературе, так и становление в субъективном сознании основных понятий, которые вырабатывались в парадигме.

Обнаружив основные, субстанциональные положения экзистенции парадигмы, мы подходим и к основному вопросу темпоральности парадигмы. Если все перечисленное является необходимым, тогда возникает возможность определить условия зависимости времени объективации научной парадигмы в научном сознании. Для этого необходимо выявить наиболее онтологическое из перечисленных условий. Из всех 11 факторов один обнаруживает не только значимость для самого кода, но и является взаимосвязанным с другими формами объективации человеческой сущности, а именно фактор бинарного схематизма. Признание единства употребления, как

в коммуникации, так и в языке, бинарный принцип открывает и третью составляющую сопряженных систем – мышление. Причем в этих трех «модусах» субстанциональности человеческой сущности открывается их взаимозависимость. Так как «...языку не присущ никакой собственный тип оперирования; что он должен осуществляться либо как мышление, либо как коммуникация: что язык, следовательно, не является настоящей системой»²². Тогда оказывается, что темпоральность парадигмы зависит не просто от понятий, пусть даже базовых, но от взаимодействия двух закрытых аутопойезических систем, таких как мышление и коммуникация. В этой паре главенствующая роль принадлежит сознанию, так как сознание направлено внутрь от органов чувств, а коммуникация, как вторичная производная, во вне. «Коммуникация тотально (в каждой операции) соотносена с сознанием – уже хотя бы потому, что лишь сознание, а не коммуникация, может осуществлять чувственное восприятие, так что ни устная, ни письменная коммуникация не могла бы функционировать, не обращаясь к результатам восприятия»²³.

Судить о состоянии и развитии сознания, тех изменениях происходящих в нем, мы можем только при помощи языка. Язык, как наиболее определяемая «система», позволяет регистрировать процессы, проходящие в сознании и коммуникации. «Язык делает возможным регулярное структурное сопряжение систем сознания и систем коммуникации»²⁴.

Разбирая темпоральность парадигмы, на примере парадигм «массовой культуры», мы установили их краткосрочное бытие в научном сообществе. А учитывая то, что язык является только индикатором изменяющихся процессов сознания, становится очевидным, что не только неопределенность базовых понятий служит источником поливалентности парадигмальной генерализации феномена, но и сознание не способно удерживать единство своей структуры по факту актуализации данного фе-

номена. Так как сущность человека остается неизменной, то, следовательно, изменяющиеся условия бытия субъекта приводят к изменению интенции сознания и, как следствие, к характеру его функционирования. Как мы отмечали, через сенситивное восприятие формируется характер мышления и его структура, то, значит, изменение условий бытия субъекта приводят к установлению соответствующей структуры мышления. В XX в. мы наблюдаем увеличение количества разнообразных социальных ценностей, связанных с комфортом и материальным достатком, как факторами успешной социализации. Значит, эти аксиологические аспекты и изменяют сознание. «Специализация сузила интеллектуальную независимость человека, и он становится за пределами “поля своей профессиональной компетентности”... исключительно объектом информационного воздействия»²⁵. Другим свидетельством этого служит такое широко распространенное понятие, как клиповое сознание – результат рефлексии на социокультурные процессы, детерминирующие развития сознания субъекта. «Фрагментарное, “клиповое” сознание в наибольшей степени выражает сущность массовой культуры... умонастроение эпохи, в которой человеку проще заглянуть в телевизор, как в окно, зафиксировав сиюминутный событийный момент, не утруждая себя вопросами о сущности происходящих событий. Наблюдение вместо рассуждения – вот одна из установок такой культуры»²⁶. Осознав взаимовлияние массовой коммуникации и субъективного сознания, мы приходим к пониманию не только со-бытия процессов, но и изменяемые процессы приводят к трансформации человеческого бытия. Эту мысль хорошо выразил А. Моль: «Массовая культура, то есть культура масс, возникшая за последние 50 лет как нечто самостоятельное, приобретает черты “мозаичной культуры”, составленной в сознании каждого индивидуума из разрозненных фрагментов знаний, которые по определенным статистическим законам

оседают в его памяти наподобие геологических осадочных пород и образуют в его мозгу нечто вроде хранилища сообщений, предваряемых средствами массовой коммуникации»²⁷.

Изменение сознания, его фрагментарная сущность, становится одним из знаковых факторов, определяющих темпоральность любой парадигмы. Через осознание единства двух начал, а именно коммуникативной, через определение границ понятия и сознания, через его всеобщую целостность или клиповую структуру, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, темпоральность парадигмальных тематик тем больше, чем определеннее и целостнее организуются две замкнутые системы – мышление и коммуникация.

Во-вторых, темпоральность и синергичность научного дискурса являются следствием фрагментарности сознания и коммуникации.

В-третьих, следствием произошедших перемен является сокращение темпоральности парадигм и, как следствие, состояние науки в постоянной революционной ситуации. Практически исчезает так называемая, по Т. Куну, фаза – нормальной науки.

В-четвертых, отсутствие конвенционально определенных понятий приводят, с учетом клипового сознания субъекта современности, к практическому отсутствию поступательного развития науки. Если раньше можно было говорить о двух фазах развития науки, а именно синтагматической и парадигмальной, то теперь, с поливалентностью бытия парадигмального уровня, характер синтагматического развития не приводит к увеличению общей энтропии научного знания высокого уровня.

Все это приводит к состоянию так называемого динамического «топтания на месте». Учитывая то, что человеку присуща только возможность познания относительного знания, становится очевидным, что такое состояние науки приводит к снижению общественной ценности знания как такового, если оно не обеспечивает каких-либо прагматических целей. Изменение в интенции к знанию вообще приводит к изменению баланса субъективного бытия с динамического равновесия духовного и телесного на преобладание телесного и практически уничтожение духовного.

В-пятых, прагматическая необходимость сохранения онтологической экзистенции человеческой сущности приводит к необходимости поиска выхода из существующего кризиса. А наиболее приемлемым с точки зрения сохранения социальной стабильности является изменение только части социума и характера его коммуникации. В данном случае этой частью должно стать научное сообщество. Через изменение методологии исследования на базе всеобщих, конвенционально принятых понятий, с единством его коннотации постепенно приведет и к изменению сознания, вначале – у части сообщества, затем – у всего социума. Через увеличение темпоральности парадигмальных тематик возможно развитие синтагматического уровня, который приведет к прогрессивному сдвигу научного знания. Как следствие, произойдет сопряжение специализированного научного коммуникативного кода и смежного коммуникативного кода. Такое сопряжение изменит равновесие в сущности экзистенции субъекта, что должно обеспечить равновесие двух начал – телесного и духовного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 631.

² Юнгер Ф. Г. Язык и мышление. СПб.: Наука, 2005. С. 213.

³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 84.

⁴ Соловьев Вл. Философское начало цельного знания. Мн.: 1999. С. 798.

⁵ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 120.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁶ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с фр. Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО Издательство АСТ, 2003. С. 129.

⁷ Там же. С. 142.

⁸ Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. С. 59.

⁹ Эко У. Записки на полях «Имени розы» / Пер. с итал. Е. А. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2003. С. 29.

¹⁰ Луман Н. Медиа коммуникация. М.: Логос, 2005. С. 206.

¹¹ Массовая культура: Учеб. пособие / К. З. Акопян, А. В. Захаров, С. Я. Каргалицкая и др. М.: Альфа – М; ИНФРА – М, 2004. С. 21.

¹² Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 36.

¹³ Там же. С. 36–37.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 144.

¹⁶ Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО Издательство АСТ, 2002. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 37.

¹⁸ Шестаков В. П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. С. 32.

¹⁹ Ашин Г. К., Мидлер А. П. В тисках духовного гнета (Что популяризируют средства массовой информации США). М.: Мысль, 1986. С. 20.

²⁰ Луман Н. Эволюция. С. 176.

²¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 106.

²² Луман Н. Общество как социальная система. С. 116.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Там же. С. 113.

²⁵ Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига, 2005. С. 123.

²⁶ Миронов В. В. Коммуникация глобальная. Глобалистика: Энциклопедия. «Диалог». М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. С. 453.

²⁷ Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с фр. Предис. Б. В. Бирюкова. 2-е изд., стереотипное. М.: КомКнига, 2005. С. 364.